

УДК 316.32
ББК 60.524.41
В 31

А.В. Верещагина,

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79185227910, e-mail: anrietta25@mail.ru

С.И. Имгрунт,

кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права и политологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79184438817, e-mail: sveddy@mail.ru

С.И. Самыгин,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета «РИНХ», г. Ростов-на-Дону, тел.: +79381067174, e-mail: samygin78_@yandex.ru

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В РОССИИ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И ДИСФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВ БУДУЩЕГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

(Рецензирована)

Аннотация. Статья посвящена анализу социального неравенства в современном российском обществе. Исследуется специфика сложившейся системы неравенства, её динамика и источники воспроизводства на современном этапе. В контексте анализа функциональных и дисфункциональных последствий социального неравенства выявляются такие черты российской системы неравенства, как глубокая социальная поляризация и слабая вертикальная мобильность, что позволило сделать вывод об угрозах национальной безопасности России с точки зрения перспектив ее будущего развития.

Ключевые слова: социальное неравенство, социальная мобильность, средний класс, национальная безопасность, социальная безопасность, социальная поляризация, неравенство доходов, социальное государство.

A.V. Vereschagina,

Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Researches of Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +79185227910, e-mail: anrietta25@mail.ru

S.I. Imgrunt,

Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of the Theory and History of State and Law and Political Science of the Adyghe State University, Maikop, ph.: +79184438817, e-mail: sveddy@mail.ru

S.I. Samygin,

Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Human Resource Management and Sociology of the Rostov State Economic University "RINH", Rostov-on-Don, ph.: +79381067174, e-mail: samygin78_@yandex.ru

SOCIAL INEQUALITY IN RUSSIA: FUNCTIONAL AND DYSFUNCTIONAL CONSEQUENCES IN THE CONTEXT OF A HOMELAND SECURITY AND THE PROSPECTS OF FUTURE DEVELOPMENT OF THE COUNTRY

Abstract. The paper is devoted to the analysis of social inequality in the Russian modern society. Specifics of the developed system of inequality, its dynamics and sources of reproduction at the present stage are investigated. In the context of the analysis of functional and dysfunctional consequences of social inequality, the publication sheds light on such lines of the Russian system of inequality as profound social polarization and weak vertical mobility. This allowed the authors to draw a conclusion about the threats to Russia security from the point of view of the prospects of its future development.

Keywords: social inequality, social mobility, middle class, homeland security, social safety, social polarization, inequality of the income, social state.

Проблема социального неравенства постоянно находится в фокусе внимания российских социологов с тех самых пор, как страна вступила в полосу кардинальных перемен, связанных с переходом на новую систему социально-экономических отношений, основанных на рыночных отношениях. Прошло уже более двадцати лет с того момента, как Россия совершила очередной резкий поворот в своей исторической траектории, и, казалось бы, уже должны быть ощутимые перемены к лучшему и позитивный социальный настрой, но, как показывают результаты крупномасштабного исследования Института социологии РАН, большинство россиян в своих ожиданиях прогнозируют, что нашу страну ждут трудные времена (48%), против 25% тех, кто считает, что она будет развиваться успешно [1; 25].

На оценку россиянами состояния и перспектив развития российского общества оказывает значительное влияние их материальное благосостояние. Логично, что позитивный настрой в отношении будущего развития России демонстрируют те респонденты, которые оценивают свое материальное положение как улучшившееся за последние годы [1; 16]. Иными словами, фактор социального неравенства,

проявляющийся в данном случае по неравенству доходов населения, во многом определяет социальные настроения и ожидания в российском обществе, в свете чего совершенно очевидно, что он выступает одним из ключевых в оценке развития России с точки зрения ее национальной безопасности.

Надо сказать, что социальное неравенство – неизбежный спутник любого человеческого общества, за исключением самого архаичного. Однако структура и формы социального неравенства претерпевают значительные изменения в ходе человеческой истории. В современных наиболее развитых обществах последствия существования социального неравенства преодолеваются за счет расширения возможностей для вертикальной социальной мобильности и развития социального государства, функционирование которого подразумевает перераспределение ресурсов для обеспечения социальных прав граждан и поддержки уязвимых групп и индивидов. Такая практика не уничтожает социальное неравенство, однако сглаживает в значительной степени его несправедливость и негативное влияние на социальное самочувствие. В современном глобализированном мире проблема социального неравенства не теряет

своей значимости [2], при этом наиболее остро она стоит в наименее развитых в экономическом плане обществах.

Россия, к сожалению, относится к числу стран, в которых проблема неравенства весьма заметна. И отечественные, и зарубежные исследователи отмечают резкую поляризацию российского населения, критический разрыв между богатыми и бедными слоями, слабость российского среднего класса. Это фиксируется и на уровне статистических, и на уровне социологических данных. «Запас прочности» россиян, по оценкам социологов, очень и очень непрочный, так как в ходе социальных трансформаций так и не была решена проблема дифференциации доходов, и сегодня 30% населения составляет долю бедных в России [3; 281], 60% имеют доходы менее 2-х прожиточных минимумов, а разрыв по величине среднедушевых доходов между верхними и нижними слоями населения в стране оценивается в 40 раз [1; 36]. Такие показатели неравенства автоматически определяют ситуацию неравенства во всех ключевых сферах жизнедеятельности социума по критерию доступа к жизненно важным услугам и ресурсам в области образования, медицины, труда, досуга и т.д.

Само по себе существование социального неравенства может выполнять позитивные функции в обществе, на что обратили внимание еще представители структурного функционализма. С их точки зрения, система неравенства, во-первых, тесно связана с системой ценностей общества и, во-вторых, способна стимулировать наиболее способных индивидов к завоеванию престижных социальных статусов. В контексте функционалистского подхода, наиболее престижными и высокооплачиваемыми являются статусы, связанные с выполнением особо ценимых обществом функций. Сами по себе престиж и доход

являются призами, побуждающими индивидов затрачивать усилия для достижения этих желаемых позиций. Таким образом, система неравенства как бы стимулирует социальную активность, что идет на пользу и индивидам, и обществу в целом. Однако позитивное действие социального неравенства возможно в тех случаях, когда индивиды действительно имеют возможность достичь успеха, и общество стимулирует их к этому. Но не все системы неравенства характеризуются подобными свойствами. Чаще системы неравенства в той или иной степени блокируют социальное продвижение, поэтому система стратификации имеет тенденцию воспроизводиться из поколения в поколение, и многочисленные группы людей не имеют доступа к ресурсам общества, как материальным, так и духовным. При этом люди страдают от ощущения собственного бессилия, «выученной беспомощности», которые препятствуют реализации успешных моделей поведения, даже если возникает такая возможность.

Подобные системы неравенства сложно назвать функциональными, скорее они социально дисфункциональны, поскольку не дают в полной мере развить потенциал общества, заключенный в человеческих способностях и возможностях, а также толкают людей на противоправные действия, провоцируют отчуждение от общества, различные формы ретритизма и эскапизма – от алкоголизма до суицида.

В российском обществе сохраняется неблагоприятная ситуация с социальным неравенством. По данным как отечественных, так и зарубежных исследований, Россия входит в число стран с наибольшим разрывом в уровне дохода между самыми богатыми и самыми бедными. И хотя экономическое положение россиян в течение 2000-х годов в целом демонстрировало положительную динамику, разрыв

доходов все равно сохранялся на критическом уровне, и особенно заметна данная ситуация в региональном разрезе: только мегаполисы, по экспертной оценке специалистов, отличаются по показателям доходов основной массы жителей от остальных типов населенных пунктов, в которых среднедушевые доходы значительно ниже (в октябре 2014 года этот показатель в мегаполисе составил 25 тыс. руб., в областных центрах – 15 тыс. руб., в райцентрах и поселках городского типа – 12 тыс. руб. а в селах – 10 тыс. руб.) [1; 39].

Социологи отмечают, что в постсоветский период в России сложилась система стратификации, которая приобрела определенную устойчивость и не меняется в общих чертах, несмотря на общий рост или спад экономики [4]. «По данным «Росстата», с начала 2000-х годов ежемесячный доход на душу населения в России неуклонно рос. С послекризисного 1999 года реальный среднедушевой доход вырос в 6,8 раза, а номинальный (без учета инфляции) — в 13,4 раза, составив в январе-ноябре 2008 года 16 100 рублей. Но к концу 2008 года финансовый кризис, а вслед за ним и общеэкономический, ударили по доходам населения, и уже в январе-феврале 2009 года среднедушевой доход снизился более чем на 6% и составил 15 100 рублей в номинальном выражении. Как следствие, в 2009 году произошло резкое изменение потребительского поведения. Среднедушевой доход в России снизился на 6%, и, как следствие, снизились затраты россиян на продукты питания, одежду, обувь и товары длительного пользования. До половины россиян в это время, как показывают эмпирические данные, заявляли об ухудшении своего материального положения. И только в 2010 году начался рост доходов и потребления» [5].

Рост, продолжавшийся с 2010 года, был прерван последним

экономическим кризисом, вызванным ситуацией на Украине, присоединением Крыма и введением режима санкций. В результате уровень жизни россиян вновь упал, что было обусловлено растущей инфляцией и спадом производства в некоторых отраслях экономики. Число бедных в России начало быстро расти. В 2014 году, согласно сообщению Росстата, число бедных в России составило 19,8 млн человек, в то время как в 2013 году численность граждан с доходами ниже прожиточного минимума составляла 12 млн человек [6]. В 2015 году ситуация продолжала ухудшаться – по данным Росстата, число бедных составило уже 22,9 млн человек [7].

В наиболее уязвимом положении оказываются, в первую очередь, незащищенные слои населения: пенсионеры, низкооплачиваемые работники, многодетные и неполные семьи и т.д. Это демонстрирует устойчивость стратификационной системы российского общества, поскольку средний класс российского общества пострадал от кризиса гораздо меньше. Если среди всего российского населения пострадавших от кризиса в 2015 году насчитывалось 40%, то среди представителей среднего класса таких только 23%; 60% представителей среднего класса не отметили никаких существенных изменений в своем положении [8; 12].

Однако следует отметить специфику российского среднего класса. Основную его часть составляют руководители разного уровня, государственные служащие. Таким образом, это люди, в меньшей степени подверженные рыночным рискам, чем предприниматели. Соответственно, можно выдвинуть предположение, что среди пострадавших от кризиса представителей среднего класса были, в основном, мелкие предприниматели, самозанятые и так называемая «периферия» среднего класса – люди, находящиеся как бы на грани попадания в

средний класс, но не достигшие достаточно устойчивого положения.

Государственные служащие, образующие большую часть российского среднего класса, неоднородны по уровню доходов и статусу, и, соответственно, среди них также одна часть оказалась более уязвимой, чем другая. Тесная связь с государственным сектором обуславливает специфику реакции на кризис, чувствительность к разным его проявлениям. Средний класс в России ощущает кризис опосредовано – через проблемы, связанные с бюджетом и государственным финансированием. С другой стороны, часть среднего класса, связанная с рынком, могла не только проиграть, но и выиграть от кризиса – в связи с новыми возможностями, предоставляемыми некоторым секторам экономики политикой импортозамещения.

Таким образом, разнообразие среднего класса обусловило разную степень уязвимости его подгрупп перед кризисом, однако в целом он перенес кризис лучше, чем большинство населения, в чем нет ничего удивительного. «Особенностью, которая ярко отличает представителей среднего класса современной России, но уже не от остальных россиян, а от представителей этого класса в подавляющем большинстве развитых стран мира, выступает концентрация его в госсекторе. И в стабильных экономических условиях, и в условиях кризиса большинство в нем составляют работники предприятий и учреждений государственной формы собственности. В ядре среднего класса соответствующий показатель составлял осенью 2015 г. 65%, а в начале 2014 г. – 68%. На этой особенности российского среднего класса кризис, как видим, практически не сказался. Однако примечательно, что при первых же сложностях с бюджетом пострадали именно работники госсектора. Еще одной примечательностью является то, что с начала

2014 г. по осень 2015 г. в составе ядра среднего класса с 13% до 19% выросла доля работающих на приватизированных предприятиях. Видимо, реализация задач импортозамещения и оживление предприятий ВПК помогли этой части российского среднего класса относительно уверенно чувствовать себя даже в условиях кризиса. Таким образом, и в данном отношении средний класс неоднороден – чье-то положение кризис ухудшил, а чье-то, напротив, улучшил, что связано с особенностями места этих людей в структуре занятости» [8; 12].

Важной характеристикой системы неравенства в обществе является наличие возможностей для социальной мобильности. Выше уже было сказано, что нормальная работа социальных лифтов поощряет людей к достижению более высоких позиций и обеспечивает внутреннюю динамику общества. В такой ситуации социальное неравенство выполняет конструктивную функцию. В тех же случаях, когда социальные лифты работают плохо, в обществе накапливается безысходность и недовольство, порожденные осознанием людьми собственного бессилия. Такая ситуация является угрозой национальной и социальной безопасности, поскольку провоцирует отчуждение, аномию, девиантное поведение, негативно воздействует на физическое и психическое состояние людей и тормозит развитие общества.

Для российского общества, как отмечают некоторые исследователи, характерно как раз замедление социальных лифтов. В 90-е годы, когда происходило интенсивное реформирование экономики и распад советской модели экономической регуляции, социальные лифты работали интенсивно, причем в обоих направлениях – и вверх, и вниз. Для большинства населения, не обладавшего необходимыми ресурсами и опытом, лифты чаще работали на понижение. Закрытие многих

советских предприятий и организаций привело к росту числа безработных, но в то же время – к росту числа самозанятых и возросшей предпринимательской активности. Потребности общества порождали новые сферы экономической деятельности, что создавало простор для предпринимательской инициативы. Меняющаяся политическая система также открывала возможности для прихода во власть новых людей. Таким образом, несмотря на рост преступности, развитие коррупции, несовершенство законов, падение уровня жизни значительной части населения, социальные лифты в стране работали.

По мере стабилизации экономической ситуации в стране и приобретения ею той конфигурации, которую она имеет сейчас – экономики, ориентированной прежде всего на производство и продажу сырья, социальные лифты замедлились, сузилось пространство для предпринимательской инициативы, поскольку большая часть рыночных ниш уже занята, а диверсификации экономики не происходит, так как для этого мало только предпринимательской инициативы – нужны решения государственного уровня и государственная поддержка, необходимы значительные ресурсы.

В России происходит деиндустриализация экономики, фактически не развивается наукоемкое и высокотехнологичное производство, что означает блокировку соответствующих каналов вертикальной мобильности. Нередко приходится слышать даже от государственных чиновников, что российские вузы выпускают мало инженеров. Но спрос на инженерное образование низок не по вине вузов или студентов – инженеры слабо востребованы на рынке труда, уровень их зарплат низок, что обусловлено экономической ситуацией в стране в целом. В таких условиях было бы странным ожидать востребованности инженерных специальностей со стороны

абитуриентов. Недостаток финансирования науки и образования, невостребованность науки, что также обусловлено упрощенной моделью экономики, ведут к снижению вертикальной мобильности в этих сферах, что несет прямую угрозу будущему общества.

Существуют и другие аспекты российской экономики, блокирующие мобильность населения и реализацию имеющегося у него потенциала. Большие города предоставляют больше возможностей для вертикальной мобильности, чем небольшие, особенно так называемые моногорода, связанные с деятельностью системообразующего предприятия, кризис которого может привести к парализации экономической жизни такого города в целом. В России существует немало регионов, где вертикальная мобильность из-за структуры местной экономики практически невозможна, что диктует необходимость пространственной мобильности населения, для которой, в свою очередь, существует множество препятствий. Население этих регионов оказывается заложником ситуации, преодолеть которую у него не хватает ресурсов.

В итоге низкая социальная мобильность консервирует неравенство, лишает людей возможности влиять на свою жизнь, блокирует развитие экономики и культуры, ведет к деградации общества и росту социальной напряженности, деконсолидационных тенденций.

А. Шевяков справедливо отмечает: «Социальная напряженность имеет два диаметрально противоположных воплощения: первое, позитивное воплощение – это конструктивное напряжение социальных сил, второе, негативное – это напряжение, обусловленное ограниченностью социальных перспектив, безвыходностью социально-экономического положения, отсутствием путей для желаемой реализации своего человеческого

потенциала. Эффект негативного социального напряжения подобен эффекту тяжелой депрессии, при которой ценность жизни утрачивается. Соответственно, и неравенство в зависимости от условий, в которых оно реализуется, может оказывать диаметрально противоположное воздействие на социально-психологическое состояние общества» [9; 86].

Таким образом, социальное неравенство, выраженное в ограничении для значительной части населения реализовать свою социально-экономическую, образовательную, профессиональную и иную другую состоятельность, становится источником роста напряженности и деформации мотивации социального поведения, что самым разрушительным образом влияет на социально-психологическое состояние общества и отдельных социальных групп. Выразаться это может по-разному – от изменения репродуктивных стратегий, что в итоге приводит к снижению демографических показателей функционирования социума, до роста социальной апатии, недоверия, девиации, правового нигилизма и т.д. Все эти процессы мы наблюдаем в современной России, в которой существуют парадоксы, объяснимые с точки зрения исторической специфики развития отношений в системе «общество-власть», но не позволяющие с оптимизмом смотреть в будущее России. Речь идет о том, что при росте социального неравенства в России и соответствующих ему негативных процессов, описанных выше, рейтинг доверия главе страны, который, казалось бы, должен нести ответственность за динамику

социально-экономических процессов и благосостояние общества, превышает все мыслимые при данных обстоятельствах показатели: летом 2015 года, согласно результатам опроса Левада-Центра, рейтинг Президента России приблизился к 90% [10].

Можно констатировать, что ситуация с социальным неравенством в современной России, воспроизводству которого способствует как система государственного управления, не ориентированная на снижение негативного воздействия неравенства путем перевода его в русло социально приемлемых форм, стимулирующих социальную мобильность и позитивную активность населения, так и институциональная система общества, в создавшихся социально-экономических условиях функционирующая по правилам социально несправедливого общества, представляет собой прямую угрозу национальной безопасности российского общества. Преодоление негативных последствий социального неравенства видится нам в реализации комплекса мер, направленных, прежде всего, на изменение структуры современной российской экономики и избавление от сырьевой зависимости. Экономические меры должны сочетаться с мерами социального характера, которые позволят разрушить механизм воспроизводства социального неравенства в России, устойчиво функционирующий на современном этапе в условиях социально неориентированной государственной политики и нацеленной на решение элитарных интересов российской власти.

Примечания:

1. Горшков М.К. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. М.: Весь мир, 2015. 336 с.

2. Самыгин С.И., Верещагина А.В. Глобальные вызовы современности и безопасность цивилизации третьего тысячелетия // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. 2014. № 6-245. URL: <http://mii-info.ru/data/documents/EZhSN-2014-6-2.pdf>

3. Бедность и бедные в современной России / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014. 304 с.

4. Герасимова И., Герасимова Е. Неравенство денежных доходов россиян // ДемоскопWeekly. 2014. № 607-608. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0607/tema02.php>.

5. Социальное неравенство в России ставит новые рекорды // ДемоскопWeekly. 2010. № 437-438. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/gazeta04.php>.

6. Росстат: число бедных в РФ в I квартале возросло до 19,8 млн человек // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/economy/20140704/1014749603.html#ixzz45XYXbRm5>

7. Платонова Е. Страна приросла бедностью. URL: <http://www.gazeta.ru/business/2015/06/12/6838965.shtml>

8. Российский средний класс в условиях стабильности и кризисов. М.: ИС РАН, 2016. 33 с.

9. Шевяков А. «Болевые точки» России: избыточное неравенство и депопуляция // Общество и экономика. 2005. № 12. С. 86-102.

10. Аналитик «Левада»: у половины населения нет политических предпочтений. URL: <http://www.levada.ru/08-07-2015/analitik-levady-u-poloviny-naseleniya-net-politicheskikh-predpochtenii>

References:

1. Gorshkov M.K. Russian society and the challenges of the time. Book One / M.K. Gorshkov [et al.]; ed. by Gorshkov M.K., Petukhov V.V.; Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. M.: Ves mir, 2015. 336 pp.

2. Samygin S.I., Vereshchagina A.V. The global challenges of our time and safety of the third millennium civilization // European Social Science Journal. 2014. No. 6-2 (45). URL: <http://mii-info.ru/data/documents/EZhSN-2014-6-2.pdf>

3. Poverty and the poor in modern Russia / Ed. by M.K. Gorshkov and N.E. Tikhonova. M.: Ves mir, 2014. 304 p.

4. Gerasimova A.I., Gerasimova E. Inequality of income of the Russian people // DemoskopWeekly. 2014. No. 607-608. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0607/tema02.php>.

5. Social inequality in Russia sets new records // DemoskopWeekly. 2010. No. 437-438. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/gazeta04.php>.

6. Rosstat: the number of poor in the Russian Federation in the first quarter has increased to 19.8 million people – RIA Novosti.. URL: <http://ria.ru/economy/20140704/1014749603.html#ixzz45XYXbRm5>

7. Platonova E. The country's poverty increased. URL: <http://www.gazeta.ru/business/2015/06/12/6838965.shtml>

8. The Russian middle class in terms of stability and crises. M., IS RAN. 2016. 33 pp.

9. Shevyakov A. "Pain points" of Russia: excessive inequality and depopulation // Society and economy. 2005. No. 12. P. 86-102.

10. "Levada" analyst: half the population has no political preferences. URL: <http://www.levada.ru/08-07-2015/analitik-levady-u-poloviny-naseleniya-net-politicheskikh-predpochtenii>